

«Я ШЕЛ НЕГОТОВЫМИ ДОРОГАМИ»: К ВОПРОСУ О ЖАНРЕ «ЧТО Я ВИДЕЛ» БОРИСА ЖИТКОВА

Филипп Лекманов
(Москва)

Борис учился скрипке потому, что это трудно, и еще потому, что ноту надо находить самому.

Евгений Шварц «Живу беспокойно»

Почти во всех ранних отзывах на изданную посмертно в 1939 г. книгу Бориса Житкова «Что я видел» отмечена новизна замысла. Аналогов этого текста критики не находили ни в советской, ни в мировой литературе: «Был он новатором и в такой интересной области, как художественная проза для дошкольников. <Далее поясняется, что речь идет о “Что я видел”>» [Груздев]; «Ничего подобного в советской литературе до сих пор не было. Создать такого рода познавательную книжку для маленьких — дело важное и невероятно трудное» [Кон: 134].

Такая оценка была, вероятно, обусловлена появлением статьи Житкова в журнале «Детская литература» в 1938 г., в которой писатель делился своими творческими планами:

Я долго думал: как мне осуществить эту энциклопедию? Если б был какой пример в дошкольной литературе! Плохой, пусть отвратительный: было бы от чего оттолкнуться, как говорят, ну, пусть по линии противоположности. Был бы положительный образчик: я мог бы его повторить, внося улучшения, но ничего позади не было. Оглядываться было не на что, и я шел «неготовыми дорогами» [Житков 1938: 43–44].

Из дневника Житкова следует, что оригинальность собственного замысла автор осознал уже на начальном этапе работы: «Этакого никто никогда еще не писал. Тропинок по этим джунглям не проторено, и я рвусь целиной, и уже ободрался достаточно» [Чуковская: 65].

В статье нас будет интересовать, в чем именно заключается уникальность текста Житкова, и каково его место в детской литературе и литературном процессе 1930-х гг. в целом.

В процитированном фрагменте статьи Житков пишет о книге «Что я видел» как об энциклопедии. Точно так же жанр книги определяли и все ее рецензенты:

«Что я видел» — это **своего рода энциклопедия** для детей дошкольного возраста [Кон: 133] <здесь и далее выделено нами. — Ф. Л.>.

Замечательной в этом отношении явится его <Житкова> посмертная книга «Что я видел» — **художественная энциклопедия** о мире вещей для чтения детям 4–5 лет [Груздев: 131].

«Почемучка» <«Что я видел»> — **энциклопедия**, уже удавшаяся, причем в ней даются вещи в их связи и человек в его отношении к другому человеку... [Шкловский 1939: 13].

Получилась **энциклопедия** для пятилетних детей, сделанная в форме большой сюжетной повести [Ивич: 152].

Все эти работы привели Житкова к замыслу большой книги, замыслу **детской энциклопедии** нового типа [Вольпе: 27].

Но он <Житков> хотел создать и создал детскую книгу нового типа **энциклопедию нашего быта** в живом рассказе [Федин: 10].

Создание системной пролетарской культуры взамен устаревшей дореволюционной было одной из главных задач советской политики уже во второй половине 1920-х гг. Такая культура должна была как бы заново открыть и описать мир, подготовить появление нового человека. Дореволюционные и иностранные тексты при этом исключались из культурного пространства как идеологически устаревшие. Установка на новую эпоху естественным образом подталкивала к разработке крупных энциклопедических проектов.

В 1931 г. Максим Горький со страниц газет «Правда» и «Известия» призывает к работе в духе энциклопедии: «Работу <над серией “История фабрик и заводов”> нужно поставить таким образом, чтоб в результате получилось *нечто подобное энциклопедии нашего строительства* в его постепенном развитии <...>» [Горький 1931: 2]. В своих статьях о детской литературе Горький также развивает идею о необходимости создания не только художественной, но и познавательно-энциклопедической книги для де-

тей: советским писателям необходимо «добиться успехов в деле создания художественной и просветительной литературы для детей» [Горький 1933: 2].

Виднейшим деятелем нового искусства, заявившим о необходимости детских энциклопедий, стал Самуил Маршак: «Очень нам нужна энциклопедия, из которой мы могли бы узнать обо всем», — цитирует Маршак письмо «дет<ей> 2-го костного отделения Евпаторийской санатории РККА». Далее он поясняет, что «...речь идет, конечно, не о справочном энциклопедическом словаре. <...> Но подлинная энциклопедия, которой ждут наши дети, — это система знаний, это связь и зависимость всех окружающих явлений» [Маршак 1971: 144]. Свою мысль Маршак развил в речи, произнесенной на втором съезде детских писателей: «Детская художественная книга должна быть познавательной; познавательная — художественной» [Маршак 1936: 19]. О том же говорил и М. Ильин (Псевдоним брата С. Маршака Ильи Яковлевича Маршака): «Обычная <научно>-популярная книжка не самостоятельна. Она берет одно напрокат у науки, другое — напрокат у литературы. <...> Взрослого, скажем, интересует технология дерева, а ребенка интересует не только дерево, но и лесной мир со всеми травами и грибами, которые там растут, со всем зверьем, которое обитает в лесу, с человеком, который в лесу живет и работает» [Ильин: 27].

В книге Ильина «Сто тысяч почему» (1929), ориентированной примерно на тот же возраст, что и житковский текст, рассказывается о «вещах, которые нас окружают». Подобно «Что я видел» эта книга построена в форме вопросов и ответов, некоторые из которых можно представить и в «энциклопедии» Житкова: «Почему дрова в печке трещат? Почему дым идет в трубу, а не в комнату?».

Ориентация на энциклопедико-познавательный жанр очевидна и в рассказах, появляющихся на страницах многих детских журналов второй половины 1930-х гг. В «Литературной газете» даже появляется пародия на тексты подобного типа:

Поля: (восторженно): Ой, Володя, какая картошка!

Володя: (рассудительно): Да, Поля. Это действительно большая картошка.

Поля: (с интересом): А почему она такая большая?..

Володя: Видимо, Поля, за ней был самый тщательный уход. По всей вероятности ее во-время окучивали.

Поля: Ой, Володя! А как это окучивают?

Володя: Очень просто. Ты берешь эту штуку и делаешь сначала так, потом так и потом снова так... Таким образом клубням создаются условия для лучшего развития. <...> [Литературная газета].

Наконец, в 1936 г. была начата работа над проектом по созданию «советск<ой> детск<ой> энциклопеди<и>, достойн<ой> нашей великой эпохи». Следуя озвученным Маршаком задачам, в энциклопедии должны были сочетаться увлекательность и познавательность: «сохраняя строгую научность и последовательность изложения, энциклопедия в то же время, <...> должна быть занимательной» [Панков: 32–34]. Данный проект не удалось воплотить в жизнь.

Житков, однако, не «взял за образчик» во многом сходную «Сто тысяч почему» Ильина (которая была ему, несомненно, известна). Ильин и Житков были не просто знакомы — во второй половине 1920-х гг. они оба входили в ближайшее окружение Маршака. И в таком случае внимание, которым автор «Что я видел» обходит книгу Ильина, можно интерпретировать как стремление Житкова занять место основателя детской советской энциклопедии. Однако, как нам кажется, «Что я видел» радикально отличается как от всех текстов Ильина, так и от более ранних произведений самого Житкова (ср. «Телеграммы»).

Уникальность последнего текста Житкова определяется совмещением двух популярных жанров детской советской литературы: энциклопедии и детского травелога (ср. «Чук и Гек» А. Гайдара или менее известную книжку «Витя идет в плавание» И. Войтюка). Взаимопроникновение жанров позволяет Житкову использовать приемы, невозможные в «чистой» энциклопедии и одновременно ключевые установки детской литературы 1930-х гг.

Так, сюжетность, заимствованная, несомненно, из жанра травелога, не только соотносится с установками на совмещение занимательности и познавательности, но и вписывается в более узкий круг дискуссий, посвященных проблеме сюжета и фабулы в детской литературе. Одной из отправных точек в споре о сюжете стала после публикации рассказа Пантелеева «Пакет» полемика о юморе в детской книге. Промежуточный итог дискуссии

подвел Виктор Шкловский в статье «О юморе, героике детской книги и о характерах»:

Произведение детской литературы может быть прекрасным тогда, когда в нем сюжет не является простой цепью занимательных происшествий, когда оно имеет внутренний свой закон, внутреннюю свою художественную правдоподобность [Шкловский 1937: 37].

Этой же проблеме посвящен пассаж в более поздней статье Антона Макаренко «Стиль детской литературы»: «сюжет должен по возможности стремиться к простоте, фабула — к сложности» [Макаренко: 10]. Понять, насколько приложим к «Что я видел» тезис Шкловского — затруднительно. Постулат же Макаренко в книге Житкова реализуется в полной мере. Простой, линейный сюжет-путешествие (который, кстати, Шкловский возводит к дневникам Марко Поло) сочетается с насыщенной событиями фабулой.

Вместе с тем, сюжетность книги работает и на решение педагогических задач. Так, главный герой, а вместе с ним и читатель, запоминают новые слова в три этапа. Первый: Алешка встречается с новым явлением, и кто-то объясняет ему, как оно функционирует. Второй — герой сталкивается с ним вновь и называет про себя. Третий, финальный — Алешка, встречаясь с уже хорошо знакомым ему явлением, говорит о нем вслух:

Там маленькая комнатка, совсем крохотная, как будочка. И там диванчик, и электричество горит. <...> А в двери — окошечко, и видно, что мы поехали вверх.

Я испугался и схватился за маму.

А мама говорит:

— Не бойся — это лифт. Нас вверх поднимают.

<...> Мы опять на лифте ехали, и мама сказала лифтёру <...>

— А хочешь, мы наверх поднимемся без всякой лестницы?

А я закричал:

— Я знаю, это лифт <...> [Житков 1979: 39, 48, 150].

Очевидно, что формат традиционной энциклопедии не позволяет прибегать к таким повторам, способствующим запоминанию.

Сюжет позволяет Житкову избежать утомляющего перечисления. Например, описание зверей, которых Алешка видит в зоопарке, разбито на две части и мотивировано тем, что герой посещает «зоосад» дважды. Книга Житкова тесно привязана к кон-

кретному времени. Можно довольно точно датировать период, в который происходят описываемые события:

А тётя меня повела к другому окну и стала показывать ещё башни.

Только они совсем близко и каменные. А наверху они острые, и на самом верху у них звезда.

И тётя сказала, что в этих звёздах свет зажигают и я вечером увижу. Они красным светом светят [Житков 1979: 41].

Рубиновые, зажигающиеся звезды были установлены на башнях Кремля только в 1937 г. и сразу же стали устойчивым топомосом московского текста. Такая острая привязанность к настоящему позволяет Житкову не только органично поместить в текст современные реалии, вроде кремлевских звезд, но и передать атмосферу военизированной эпохи. Показательно, что слово «военный» входит уже в изначальный лексикон Алешки. Причем это понятие является базовой константой его сознания — наряд кондуктора, равно как и красивые крестьянские сапоги, мальчик описывает именно посредством сравнения с военным: «На нём курточка с блестящими пуговками, вроде как у военных», «у него большие сапоги, как у военного» [Там же: 16, 186], а пионерский отряд вызывает у него ассоциацию со взводом: «шли мальчики и девочки. Они шли, как красноармейцы» [Там же: 63]. Важным эпизодом является картина военных учений, которые Алешка и его мама, готовы принять за настоящую войну:

— Красная Армия идёт.

А я закричал:

— Война!

Мама сказала:

— Не говори глупостей!

А дядя-военный сказал:

— Ну, да. Война. Только не всамделишная. А по-нарочному.

Мама вскочила и говорит:

— Сейчас стрелять будут?

И заткнула себе уши пальцами [Там же: 97].

«Военизированность» детского сознания проглядывает сквозь разные игровые ситуации:

— Пойдём, Алёша, заводные автомобильчики пускать. <...> А когда Пётр Викторович завёл и пустил, я сказал:

— Я знаю. Это не автомобильчик, а танк.

Он был зелёный. Сверху башня. А из башни выходит пушка. <...>
Мы сели на пол и стали пускать танки. Я на его танк, а он на мой:
чтоб столкнулись [Там же: 169].

Ситуация моделирования войны вновь обыгрывается в главе «Представление», посвященной спектаклю на тему Гражданской войны. Неизбежность приближающейся войны, таким образом, постулируется не прямо, но легко прочитывается в подтексте книги. Уместным будет вспомнить книгу «Чук и Гек», в которой сходные предчувствия были вытеснены в подсознание героев.

Однако было бы неверно полагать, что вместе с современностью в текст Житкова проникает и идеология. Знаковые, сигнальные слова «коммунист», «партия», «Сталин» в тексте не появляются ни разу. А «пионеры» и «Ленин» хоть и возникают, но за счет остранения их идеологическая составляющая практически нивелируется:

Мама сказала, что этот дом называется Мавзолей. И там никто не живёт. А что Ленин умер, и его туда положили, и можно посмотреть, как он лежит. <...> Мама сказала <...> что Ленина любили и хотели, чтоб всегда его видеть. Его не стали хоронить, а положили в Мавзолей [Житков 1979: 45].

Больше упоминаний Ленина в книге нет. Показательно также, что хотя значительная часть сюжета разворачивается на фоне жизни колхоза, само понятие «колхоз» в тексте никак не объясняется. В «Что я видел» автору удастся избежать практически обязательного идеологического компонента за счет того, что герои — дошкольники, которым позволено не быть прямыми трансляторами партийного курса¹.

Ведение повествователя — третья важная особенность, позаимствованная Житковым из жанра «травелога». Алешка — не про-

¹ Выбирая героем четырехлетнего ребенка, Житков и на этот раз следует актуальным педагогическим теориям. «Как смехотворно звучит для нас <теория американского педолога Термена (1896–1993)> что дети только в 8 лет начинают интересоваться реальной жизнью, когда всем и каждому известны настойчивое любопытство и любознательность уже четырехлетнего ребенка» [Левин: 41] — заключает Ф. Левин статью, посвященную учению американского педагога.

сто «функция», нужная Житкову для имитации детской речи. Это было отмечено уже первыми рецензентами книги:

Алеша-Почемучка — живой, настоящий мальчик и говорит обо всем живыми, настоящими детскими словами. Мир, о котором рассказывается условным языком Алеша, оживает по-особенному, расцветается, становится веселым и занятым [Шер: 16].

Алешка — «живой», обладающий характером персонаж. Люди из окружения Житкова вспоминали, что у героя был реальный прототип:

«Алешка-почемучка» — лицо не выдуманное. В 1935 году Житков жил в Москве у своей сестры, Александры Степановны. Соседом его был четырехлетний Алеша. Борис Степанович много возился с Алешей, рисовал ему картинки, клеил игрушки, радовался его смелости, а когда начал работать над энциклопедией — читал ему отдельные главы [Чуковская: 66].

Появление в тексте фигуры Алешки способствует решению сразу нескольких педагогических задач. Четырехлетний «читатель» получает возможность идентифицировать себя с героем. Наличие героя-повествователя позволяет ввести в текст морализаторские нотки. Так, в одной из начальных глав «Как собирались в дорогу» Алешке объясняют, что врать и подслушивать — плохо:

А на другой день папа сказал мне:

— Ты больше никогда не будешь подслушивать?

Я сказал:

— А почему?

— А потому, что коли не хотят, чтобы слышал, значит, тебе знать этого не надо. И нечего обманывать, подглядывать и подслушивать. Гадость какая!

Встал и ногой топнул. Со всей силы, наверное [Житков 1979: 11].

Диалог такого типа едва ли можно было встретить в «классической» энциклопедии. Наконец, фигура повествователя позволяет сделать образовательный процесс динамичным и развивающимся:

Начать книгу с тем запасом слов, который есть у трехлетнего малыша, то есть приблизительно с двумястами, а закончить, расширив его познания до тысячи слов — такова задача развития речи в книжке о путешествиях Почемучки [Вольпе: 27].

Герой растет по ходу развертывания фабулы, обогащается его лексикон и усложняется синтаксическая структура его вопросов:

Бабушка говорит:

— Ты что за почемучка такой? Всё «почему» да «почему»!

Я сказал:

— А я Почемучка.

Бабушка говорит:

— А ты не будь Почемучкой. А скажи: «Какая это каюта?»

<...>

Я увидел кнопочку около двери и сказал бабушке:

— Это чтоб чай дали, кнопка? [Житков 1979: 126, 128]

Сочетание в книге черт двух жанров позволяет Житкову не только совместить занимательность и увлекательность, но и создать текст, значительно выделяющийся из ряда подобных проектов.

В заключение наметим возможность анализа «Что я видел» не в широком контексте детской советской литературы, а через призму взглядов на искусство самого Житкова. Творческая программа Житкова заключалась в создании принципиально новой литературы, не апеллирующей к накопленному читательскому опыту. Эта позиция нашла точное выражение в мемуарах Евгения Шварца:

Целыми ночами сидели они <Маршак и Житков>, вырабатывая новый житковский язык, создавая новую прозу, и Маршак с восторгом говорил, повторял всюду об удивительном, почти гениальном даре Житкова, который обнаружился, едва понял тот, как прост путь, которым художник выражает себя. Он избавился от литературности, от «переводности» — то есть от безразличного языка, особенно ошутимого в переводных книгах [Шварц: 58].

Схожим образом свои установки Житков сформулировал и в письме 1927 г. к Е. П. Бахеревой:

Хотим вырабатывать новую детскую. Мне вся детская литература недетской кажется. Не по тем путям ассоциаций идет книжная мысль, что у детей. И не то интересует, о чем по большинству пишут, в том числе и я [Черненко: 15].

Мы не знаем, осознавал ли Житков, что его понимание задач литературы совпадает с теорией искусства, сформулированной Виктором Шкловским в программной статье «Искусство как прием»:

Целью искусства является дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия [Шкловский 1990: 63].

Зато мы можем с определенной долей уверенности утверждать, что именно энциклопедия с элементами художественного жанра и повествованием от первого лица была формой, идеально подходящей для воплощения теоретических установок Житкова. Совпадение литературной позиции Житкова с актуальными задачами детской советской литературы помогло появиться такому удачному тексту как «Что я видел».

ЛИТЕРАТУРА

- Вольпе: *Вольпе Ц.* Борис Житков (к двухлетию со дня смерти) // Ленинград. 1940. № 19–20. С. 26–28.
- Горький 1931: *Горький М.* История фабрик и заводов // Правда. 07.09.1931. С. 2.
- Горький 1933: *Горький М.* О темах // Правда. 17.10.1933. С. 2
- Груздев: *Груздев И.* Мастер художественной прозы // Детская литература. 1939. № 18–19. С. 131.
- Гусева: *Гусева Н.* Рассказы о вещах // Детская литература. 1937. № 1. С. 37–38.
- Житков 1938: *Житков Б.* Над чем вы работаете? // Детская литература. 1938. № 3. С. 41–44.
- Житков 1979: *Житков Б.* Что я видел. Рассказы и сказки. Л., 1979.
- Ивич: *Ивич А.* Борис Житков // Литературный критик. 1939. № 3. С. 140–154.
- Ильин: *Ильин М.* Речь тов. М. И. Ильина // Детская литература. 1936. № 1. С. 24–28.
- Кон: *Кон Л.* Последняя книга Бориса Житкова // Детская литература. 1939. № 18–19. С. 133–134.
- Литературная газета: У рупора (маленький фельетон) // Литературная газета. 1938. № 44 (август 10). С. 6.
- Левин: *Левин Ф.* Теория Бенэ-Термена о детском чтении // Детская литература. 1938. № 8. С. 39–42.
- Макаренко: *Макаренко А.* Стиль детской литературы // Детская литература. 1938. № 17. С. 8–12.
- Маршак 1936: *Маршак С.* За большую детскую литературу // Детская литература. 1936. № 1. С. 18–23.

- Маршак 1971: *Маршак С.* Дети отвечают Горькому // Маршак С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1971. Т. 7. С. 137–153.
- Панков: *Панков К.* Создадим советскую детскую энциклопедию, достойную наше великой эпохи // Детская Литература. 1938. № 8. С. 32–34.
- Федин: *Федин К.* Большая книга // Детская литература. 1939 № 9. С. 10–11.
- Черненко: *Черненко Г.* «Я ему был рад также, как и он мне» (Даниил Хармс в письмах Бориса Житкова) // Хармсиздат представляет: Советский Эрос 1920–1930-х годов. СПб., 1997.
- Чуковская: *Чуковская Л.* Борис Житков. М., 1955.
- Шварц: *Шварц Е.* Житие сказочника. Из автобиографической прозы. Письма, воспоминания о писателе. М., 1991.
- Шер: *Шер Б.* Оформление книги Б. Житкова // Детская литература. 1939. № 9. С. 14–16.
- Шкловский 1937: *В.* О юморе, героике детской книги и о характерах // Детская литература. 1937. № 8. С. 32–39.
- Шкловский 1939: *Шкловский В.* Почему? // Детская литература. 1939. № 19. С. 12–13.
- Шкловский 1990: *Шкловский В.* Искусство, как прием // Шкловский В. Гамбургский счет. Статьи — воспоминания — эссе (1914–1933). М., 1990.